

Николай Бердяев о причинах и последствиях русской революции, о «русской идее» и о «Новом средневековье»

а. «Духи» русской революции

Николай Бердяев принадлежит к немногим русским мыслителям в изгнании, получившим значительную известность на Западе¹. Это произошло не в последнюю очередь потому, что для большинства западных европейцев Бердяев был воплощением якобы типичных русских черт: он мыслил бессистемно, импульсивно и радикально. Несмотря на это, анализ русской катастрофы 1917 г. и ее коренных причин, данный Бердяевым, имеет много общего с точкой зрения Семена Франка, хотя образ мысли Бердяева и Франка принципиально отличаются друг от друга. Именно Франк считается самым системным русским философом. Также как и Франк, Бердяев говорит о самоубийстве русской нации, ответственность за которое он, прежде всего, возлагает на русские элиты.

В статье «Философская истина и интеллигентская правда», опубликованной в сборнике «Вехи», Бердяев видит пролог самоубийства русской интеллигенции в ее мировоззрении, в ее кредо, сформировавшемся в 1860-е годы. Любовь к простому народу интеллигенция соединяет с ненавистью ко всем духовным явлениям, которые прямо не служат борьбе за освобождение народа от ига самодержавия. «Долгое время у нас считалось почти безнравственным отдаваться философскому творчеству, в этом роде занятий видели измену народу и народному делу... С русской интеллигенцией в силу исторического ее положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. А философия есть школа любви к истине, прежде всего к истине», - писал Бердяев².

¹ См. об этом: Федотов Г.П. Бердяев-мыслитель // его же, Новый Град. Сборник статей. Нью-Йорк, 1952. С. 301-318; Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Лондон, 1991. С. 174; Шестов Л. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Н.А. Бердяев: Pro et contra. Антология. Книга 1. Санкт-Петербург, 1994. С.411; Лосский Н.О. Мысли Н.А. Бердяева о назначении человека // там же. С.460; Пасхальный свет на улице Дарю. Дневники Петра Еврафовича Ковалевского 1937-1948 годов. Нижний Новгород, 2014. С.603; Гапоненков А.А. Эпистолярный диалог С.Л.Франка и Н.А.Бердяева (1923-1947) // Вопросы философии 2/2014. С.119-130.

² Бердяев Н.А. Интеллигентская правда и философская истина // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. См. также Бердяев Н. Об отношении русских к идеям // его же. Типы религиозной мысли в России, Париж, 1989. С. 50-59; его же. Духовные основы русской революции // его же. Сочинения. Т. 4. Париж, 1989. С. 138-139, 224-225, 249.

Почти через 40 лет в последних трудах Бердяев существенно смягчил свои суровые суждения в отношении кредо русской интеллигенции. Он писал: «Все русское народничество вышло из жалости и сострадания. Кающиеся дворяне в 70 годы отказывались от своих привилегий и шли в народ, чтобы ему служить и с ним слиться... В стране самодержавной монархии, утверждался

«Буржуазный» объективизм считался предосудительным; принимались лишь такие философские системы, которые придавали дополнительную легитимацию классовой борьбе угнетенных против угнетателей. Интеллигенция игнорировала одного из великих русских философов Владимира Соловьева, так как его мировоззрение не укладывалось в схему классовой борьбы. В трудах одного из величайших русских писателей Федора Достоевского интеллигенция видит лишь «реакционное» политическое послание. Лишь Лев Толстой вследствие своих обличавших буржуазную культуру тирад пользовался определенной популярностью «ордена» интеллигенции³.

Этот диагноз, поставленный Бердяевым в 1909 г., был почти пророческим. Бердяев с чрезвычайной проницательностью предвидел грядущую кампанию официальной советской философии, выступавшей с позиций классовой борьбы и классовой морали против так называемой «буржуазной» объективности. Во враждебном настрое интеллигенции в отношении культуры Бердяев опять же видит колоссальную опасность для хрупкого фундамента цивилизации сотворенной Петром Великим петербургской империи.

Все эти опасения подтвердились в 1917 г. Объявленное без пяти минут 12 предупреждение сбылось. С этого момента Бердяев, как и другие авторы «Вех», стал искать глубинные причины начавшегося в 1917 г. «русского Апокалипсиса». Своего рода квинтэссенцией его революционного анализа стало эссе «Духи русской революции», написанное в 1918 г. для сборника «Из глубины» („De profundis“).

Волнения 1917 г. хотя и имели ярко выраженный антинациональный характер, однако, согласно Бердяеву, по своему стилю они были типично русскими, со всеми давними русскими болезнями и грехами. «Духи русской революции — русские духи, хотя и использованы врагом нашим на погибель нашу»⁴. Великие русские писатели за десятки лет до того предсказали характер этой русской революции, они почти написали ее пролог.

Первым из таких провидцев для Бердяева был Николай Гоголь, которого он считал самым загадочным русским писателем. Гоголь острейшим образом чувствовал зло в человеке. В отличие от Достоевского с его старцами, Гоголь в своих произведениях не создавал утешительных образов. Поверхностные критики рассматривают произведения Гоголя лишь как сатиру, обличающую крепостной строй николаевской России (Гоголь умер в 1852 г. за - 9 лет до освобождения крестьян). На самом же деле, Гоголь не только обличал темные стороны режима Николая I (1825-1855), но и запечатлел метафизический образ России, черты ко-

анархический идеал... Раненые страданиями человеческими... [представители интеллигенции] не принимали империи, не хотели власти, могущества, силы». — Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Paris, 1971. С. 89-90.

³ Бердяев Н.А. Интеллигентская правда и философская истина // Вехи. С. 17-18.

⁴ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Из глубины. Сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 72.

торого с полной ясностью проявились в русской революции. Гоголь верил в красоту, отчаянно искал ее, но в этом поиске наткнулся лишь на «демонические рожи». Но это была не его вина. Художественное видение писателя выявляло темную, бесчеловечную и чуждую Богу сторону русского национального характера⁵. Революционно настроенные русские интеллигенты были убеждены, писал Бердяев, что революция очистит страну от всех этих гоголевских гротескных фигур и придаст России человеческий облик. Однако «в революции раскрылась все та же старая, вечно-гоголевская Россия, нечеловеческая, полужверина Россия харь и морд». На самом же деле революция помогла гоголевским «ключьям людей», «гримасам» прорваться наверх. Теперь они определяли революционную повседневность. «В нестерпимой революционной пошлости есть вечно-гоголевское», – отмечал Бердяев. Так что Гоголь описал те человеческие болезни, которые имели не социальную, а духовную природу: «Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались... самовластье по прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, к человеческому достоинству, к человеческим правам»⁶.

Второй провидец, которому Бердяев уделяет много внимания, – Федор Достоевский, в своих великих романах с почти математической точностью предсказал начавшийся в 1917 г. русский апокалипсис. Так, Достоевский описывает сентиментально-строгую мораль русских революционеров, которые не считают достойным сохранить этот мир, где зло неискоренимо: «никакие богатства мира не стоят слезы ребенка».

В борьбе против несовершенного общества, которое допускает зло, хороши любые средства, утверждает Иван Карамазов – один из героев романа Достоевского. Этот моральный аморализм, по Бердяеву, на поколение вперед сформировал кредо русской интеллигенции⁷. Но одного она не предвидела, а именно: какие последствия будет иметь усвоенный простым русским народом принцип «все позволено». Первые признаки такого развития наблюдались уже во время революции 1905 г. Поэтому часть русских интеллектуалов в испуге отшатнулась от традиционных взглядов революционной интеллигенции. Инициатор сборника «Вехи» Михаил Гершензон писал, что после 1905 г. возникла парадоксальная ситуация: нижние социальные слои, за которые боролась интеллигенция, презирали ее; государство же, против которого она боролась, ее защищало: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной»⁸.

В 1917 г. народное возмущение прорвало тонкий слой цивилизации петербургской России и приняло апокалипсический масштаб. Это восстание было ин-

⁵ Там же. С. 76.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ Там же. С. 82-85; см. также: Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. Париж, 1968.

⁸ Гершензон М. Творческое самосознание // Вехи. С. 89.

спирировано кредо Ивана Карамазова и русской интеллигенции, гласившее, что в борьбе против несовершенного общества «хороши любые средства».

Началась регулярная охота на всех тех, кто, по мнению народа, представлял несовершенную Россию – помещиков, фабрикантов, офицеров, полицейских и служащих. Под ленинским лозунгом «Грабь награбленное» шло разграбление помещичьих земель и церквей.

И у Бердяева, и у Семена Франка, не вызывало сомнений, что основную ответственность за эту цивилизационную катастрофу несут революционно настроенные элиты России. «Морализирующий аморализм» интеллигенции превратился в народную веру. Бердяев показывает, что Достоевский в своих романах, не в последнюю очередь в «Братьях Карамазовых», в духовном плане предвосхитил этот апокалипсис примерно за сорок лет до его начала. Смердяков, сводный брат Ивана Карамазова, воплощает в романе роль тех социальных слоев, которые в октябре 1917 г. существенно способствовали разрушению возникшего сразу после свержения царя в феврале 1917 г., пожалуй, самого свободного государства в русской истории. Смердяков, руководствуясь девизом Ивана «все позволено» из корыстолюбия убивает своего и Ивана отца. Ужас Ивана вызывает лишь презрение Смердякова. Так как его учитель не был в состоянии справиться с воплощением своей доктрины в реальность, он утратил в глазах ученика всякую привлекательность. То же самое произошло с интеллектуалами, которые были авторами русской катастрофы 1917 г. В конце концов, они, как «малодушные слабаки» также были выброшены народными массами «в мусорную корзину истории» (Лев Троцкий). В одном из своих более поздних произведений Бердяев писал: в течение ста лет интеллигенция готовила революцию на благо народа, однако народ все это время молчал. Когда же в 1917 г. народ прервал свое молчание, народный гнев, прежде всего, обратился против его друзей и благотворителей из рядов интеллигенции, которые и стали первыми жертвами победоносной революции.

В образе отцеубийцы Смердякова отразилась не только предвиденная Достоевским гибель Отечества, случившаяся в 1917 г., но и идеология национального предательства, которую 37 годами позже практиковал Ленин.

Ленин считал для себя абсолютно не зазорным сотрудничать с внешнеполитическими врагами демократической России, чтобы разрушать ее. Причем он же называл Россию после Февральской революции «самой свободой страной в мире из всех воюющих стран»⁹. Смердяков же, со своей стороны, считал, что для России было бы выгодно, если бы Наполеон в 1812 г. победил и захватил ее: «Умная нация покорила бы весьма глупую-с, и присоединила к себе». Это было бы, по Смердякову, проявлением прогресса¹⁰.

⁹ Ленин В.И. ПСС, Т. 31. С. 114.

¹⁰ Бердяев Н.А. Духи русской революции. С. 93.

Бердяев полон восхищения Достоевским – провидцем и диагностом. Однако он менее убежден в терапевтических способностях великого писателя. Все средства, которые тот дал интеллигенции, чтобы исцелить ее ненормальное психическое состояние, оказались неэффективными: «(Достоевский) исповедовал религиозное народничество. Я думаю, что вся эта... идеология Достоевского была его слабой, а не сильной стороной и находилась в противоречии с его гениальными прозрениями, как художника и метафизика. Сейчас можно даже прямо сказать, что Достоевский ошибся, что в русском народе не оказалось противоядия против антихристовых соблазнов той религии социализма, которую понесла ему интеллигенция»¹¹. Бердяев крайне скептичен в отношении сентиментального «розового христианства» (Константин Леонтьев) Достоевского. Провозвестники этого послания, старец Зосима или Алексей Карамазов принадлежали, с точки зрения Бердяева, к менее удачным характерам, созданным гениальным художником. И в самом деле, пропагандируемое Достоевским представление о простом русском народе как о «народе-богоносце» не смогло остановить могучую волну нигилизма, которая разрушила российское государство в 1917 г.

С точки зрения Бердяева, нигилистские идеи были непреодолимо привлекательны для многих не в последнюю очередь потому, что их пропагандировали мыслители, являющиеся одними из самых высоких моральных авторитетов в стране.

Почти роковую роль в этом Бердяев приписывает Льву Толстому. Этот влиятельнейший русский писатель играл для Бердяева в русском апокалипсисе совсем иную роль, чем Гоголь или Достоевский: Толстой не предвидел апокалипсис, но способствовал ему: «в Толстом нет ничего пророческого, он ничего не предчувствовал и не предсказывал»¹². Как радикальный моралист, Толстой не признавал ни русского государства, ни культуры как таковой, так как они, по его мнению, основывались на несправедливости и насилии. Его неприятие учреждений и иерархии всякого рода, общественной дифференциации и разделения труда, якобы дало морально-религиозную санкцию все уничтожающей разрушительной ярости русских народных масс¹³. Хотя Толстой ненавидел насилие, его нигилистический морализм парадоксальным образом существенно способствовал оргии насилия, разразившейся в 1917 г.

¹¹ Там же. С. 87-88; см. также Бердяев Н. Народ и Церковь// его же. Духовные основы. С. 232-241.

¹² Бердяев. Духи русской революции. С. 95.

¹³ Там же, С. 100.

б. «Консервативный революционер» *avant la lettre*¹⁴: Бердяев и «Философия неравенства»

Параллельно со статьей «Духи русской революции» Бердяев в начале 1918 г. написал книгу, которая коренным образом отличалась от этой статьи. Она называлась «Философия неравенства»; ее создание было не в последнюю очередь обусловлено не стремлением к познанию, а обидой. Эта книга, от которой Бердяев позже дистанцировался¹⁵, представляла собой не только страстный расчет с большевизмом, но и с современностью как таковой. В некотором смысле «Философию неравенства» можно назвать предвестником немецкой «консервативной революции», которая пережила свой расцвет в Веймарские времена. Как и консервативные революционеры, Бердяев осуждал важнейшие идеи современности, которые, по его мнению, привели к катастрофам XX в. К этим идеям не в последнюю очередь принадлежал и либерализм: Бердяев считал его поверхностным и бездуховным. Либерализм с его принципом относительности любой веры не мог эмоционально влиять на людей. Либерализм выступал за свободу, но у его последователей отсутствовала какая-либо сила убеждения; они были не в состоянии увлечь своими идеями массы. В любой революционной ситуации либералы были среди проигравших. Широкие слои населения интересовала не свобода, а, прежде всего, равенство¹⁶. Бердяев с порога отвергает демократические идеи. В безбожном демократическом обществе воля народа обожествляется - она становится конечной инстанцией во всех вопросах, независимо от того, прав народ или неправ. Главной целью человека, даже *homo politicus*¹⁷, должен быть поиск истины. Истина не определяется большинством голосов. Массы не заинтересованы в истине; ее ищут лишь немногие избранные¹⁸. Девятью годами позже Гуго фон Гофмансталь похожими словами характеризовал сторонников консервативной революции. Они ищущие, живущие не в массе, а каждый сам по себе. Они – нация одиночек-индивидуальностей¹⁹.

Еще один аргумент Бердяева переняли, сознательно или нет, критики Веймарской демократии. Бердяев, например, считает, что принцип количества, который в демократическом сообществе вытесняет принцип качества, ведет к «господству неполноценных». Этот тезис чрезвычайно напоминает идеи видного Веймарского публициста Эдгара Юнга, который 11 лет спустя опубликовал книгу под названием «Господство неполноценных»²⁰. В «Философии неравенства» Бердяев

¹⁴ До появления термина (*франц.*) – прим. перев.

¹⁵ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж, 1949. С. 248.

¹⁶ Бердяев Н.А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Париж, 1970. С. 119.

¹⁷ Человека-политика (*лат.*) - прим. перев.

¹⁸ Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 134-135.

¹⁹ Hoffmannstahl H. v. Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation // его же. Gesammelte Werke, Bd. 4, Frankfurt a. M., 1955. P. 390-414, здесь P. 400.

²⁰ Jung E. Die Herrschaft der Minderwertigen. Berlin, 1930.

также ведет критику демократического государства в духе консервативных революционеров. Бердяев считает, что демократическое государство полностью растворяется в обществе и прекращает представлять человеческое сообщество как таковое. Оно в итоге превращается в игрушку в руках людей, отстаивающих в обществе свои эгоистические интересы. Правовед Карл Шмитт, один из самых жестких критиков Веймарских порядков, и его ученики несколькими годами позже характеризовали Веймарскую республику аналогичным образом. Шмитт не считал Веймарскую республику государством как таковым. Он говорил, что здесь некоторые сегменты общества завладели государственной властью и злоупотребляют ею исключительно в своих собственных интересах. Государство как воплощение широкой общности, утверждает автор, практически упразднено²¹.

Отказ Бердяева от демократии был тесно связан с прославлением им принципов аристократического правления. По Бердяеву, демократическая идея предполагает господство всех, аристократическая же – власть лучших. Идея господства лучших людей представляет собой высший принцип, выдвинутый человеческим социумом. До тех пор, пока человеческий дух не полностью угнетаем властью масс, он будет неуклонно стремиться к господству лучших, к подлинной аристократии²².

Для большинства русской интеллигенции эти слова звучали просто кощунственно. Интеллигенция превозносила «простой русский народ» и стремилась к слиянию с ним; она решительно отклоняла иерархический принцип как таковой и привилегии любого рода. Таким образом, дифирамбы Бердяева в адрес аристократии бросали беспрецедентный вызов традиционному демократизму русской интеллигенции, хотя никто из ее представителей и не мог поставить под сомнение тезис о господствующей роли дворянства в русской культуре. Однако в рядах интеллигенции этот факт считали существенным недостатком российской культуры. Для Бердяева же это было ее преимуществом. Дворянство, его культура и стиль жизни во все времена подавали пример всем остальным сословиям, – продолжает Бердяев свои рассуждения. Все парвеню стремились выглядеть дворянами. Сначала буржуазия подражала дворянству, затем и пролетариат будет делать также²³. Уничтожение русского дворянства вследствие революции 1917 г. привело также к уничтожению и русской культуры, – говорит Бердяев²⁴. Чтобы повернуть этот процесс вспять, нужно стремиться не к демократизации, а к аристократизации общества.

В этом случае Бердяев аргументирует так же, как «консервативный революционер» *avant la lettre*. «Консервативных революционеров» также отличала эли-

²¹ Schmitt C. Der Begriff des Politischen, 4.erw. Auflage. Berlin, 1963; его же. Legalität und Legitimität. München-Leipzig, 1932; его же. Der Hüter der Verfassung. Tübingen, 1931.

²² Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 102-103; См. также Бердяев, Духовные основы. С.179.

²³ Там же. С. 104.

²⁴ Там же. С. 113; см. также Бердяев. Духовные основы. С. 66-68, 70-74, 137.

тарность: они хотели заменить основанное на равноправии гражданское общество социальной иерархией во главе с маленькой группой «лучших людей».

Еще одна параллель между автором «Философии неравенства» и сторонниками «консервативной революции» прослеживается в их отношении к войне.

Бердяев, в отличие, например, от Эрнста Юнгера²⁵, не был склонен к эстетизации и прославлению войны. Однако Бердяев считал войну самой благородной формой борьбы за существование: «на войну люди идут умирать, а не только убивать. И потому война, при духовно должном отношении к ней, облагораживает и возвышает человеческую душу»²⁶.

Что дополнительно объединяло Бердяева с Веймарскими «новыми правыми» - это идеализация имперской идеи. «Империализм есть рок всякого большого государства, его мечта о величии и мировой шири... Империя всегда стремится быть всемирной империей... Империализм есть завершение и цветение всякого большого государства, его предел... По идее только и может быть одна, единая мировая империя... В империалистической мечте есть что-то демоническое и пожирающее. Большие государства великих исторических народов подчинены неотвратимой империалистической диалектике, через которую они достигают могущества и погибают, возносятся на вершину и ниспадают... Империалистическая идея противоположна всякому мещанству в государственном существовании, всякой ограниченности, сдавленности и прикованности к небольшому куску земли», - пишет Бердяев²⁷. Державу Александра Великого и Римскую Империю, которые создали великое объединение Востока и Запада, Бердяев считал самым большим политическим достижением человечества и образцом для всех позднейших имперских образований²⁸.

«Консервативные революционеры» также стремились к возрождению имперской идеи. При этом они, прежде всего, ориентировались не на Древний Рим, а на средневековый Германский рейх. О «невидимой притягательной силе „*sacrum imperium*“»²⁹, о нерушимой идее Священной Германской империи, в 1932 г. говорил под влиянием упомянутого нами Эдгара Юнга рейхсканцлер фон Папен. Католический публицист Вальдемар Гуриан в том же году писал: «Рейх можно определить как немецкую картину мира, которая противостоит Западному гуманизму и отличается от Восточной апокалиптики своей связью с европейской историей»³⁰.

²⁵ См. Jünger E. Der Kampf als inneres Erlebnis. Berlin, 1926.

²⁶ Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 192; Отношение Бердяева к войне в последующие годы сильно изменилось. См. Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. Париж, 1939. С. 129-137.

²⁷ Там же. С. 61.

²⁸ Там же. С. 61-62.

²⁹ Священная империя (лат.) - прим. перев.

³⁰ Цит. по: Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen. Erster Band. Deutsche Geschichte vom Ende des Alten Reiches bis zum Untergang der Weimarer Republik. München, 2002. P. 524.

По словам берлинского историка Хайнриха Августа Винклера, имперская идея «служила обоснованием притязаний немцев на то, чтобы претендовать на что-либо иное, чем национальное государство в западном, определенном под влиянием идей 1789 г. смысле. [...] В процессе кризиса германской государственности притягательная сила имперского мифа росла, а поддержка республики таяла»³¹.

Бердяев воспевал, однако, имперскую идею в других обстоятельствах, чем консервативные революционеры. Он пропагандировал эту идею в то время, когда Российская империя, не в последнюю очередь вследствие большевистской революции и давления Центральных держав (Брестский мир), практически перестала существовать. Перед лицом этого «русского апокалипсиса» (Розанов)³² Бердяев хотел сохранить в памяти мысль об империи, по меньшей мере, в качестве абстрактного идеала.

Особенно щекотливым является параллелизм мышления автора «Философии неравенства» и ряда «консервативных революционеров» в оценке еврейского вопроса. В целом, Бердяеву было совершенно чуждо расовое высокомерие. Бердяев, несмотря на всю его критику идеологических заблуждений русской интеллигенции, был верен присущему ей эмансипаторскому пафосу³³. Одним из немногих исключений из этого является «Философия неравенства». Так Бердяев активно выступает против тех авторов, которые пытались приравнять христианство и социализм. Эта мысль якобы кощунственна, так как христиане верят в потусторонний мир, социализм же, напротив, боготворит земные блага. Это смешение небесного с земным – типично еврейский феномен, утверждает Бердяев. Поэтому не удивительно, что Карл Маркс был евреем. Социализм – «(это) есть явление еврейской апокалиптики, еврейского хилиазма ... в атмосфере атеистического и материалистического века»³⁴.

Если учесть, что Бердяев часто рассматривает стремление установить рай земной как общечеловеческое явление, его попытка объявить это стремление результатом мирового еврейского заговора выглядит весьма странно.

Но и некоторые сторонники консервативной революции были, как правило, склонны связывать кризис модерна с деятельностью евреев. Так, например, один из влиятельнейших идеологов консервативной революции Артур Мёллер ван ден Брук, подобно Бердяеву, придавал исключительное значение еврейскому происхождению Карла Маркса. Он утверждал, что Маркс как еврей был чужаком в Европе и вмешивался в дела европейских народов, с которыми у него не было ни общей истории, ни кровных уз. Поэтому он не мог понять их сущности. Маркс обратился к пролетариату, так как понятие нации было ему недоступно. Первая

³¹ Там же.

³² Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 1990.

³³ Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм (Религиозная судьба еврейства). Париж, (без даты).

³⁴ Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 155-156; см. также Бердяев, Смысл истории. С.108-110; Берлин И. Русские мыслители и евреи // Бердяев. Pro et contra. С.468-474.

мировая война, будучи войной народов, лишила его антинациональные, беспочвенные теории всякого основания³⁵.

Но и другие авторы консервативной революции придавали еврейскому фактору в тогдашней Европе чрезмерное значение. И это несмотря на тот факт, что многие из них отклоняли расовый антисемитизм нацистов. Идентифицируя процесс модернизации с евреями, которых на самом деле было много среди пионеров модернизации и эмансипации, критики этого развития, как им казалось, выходили из порочного круга. Бездарная борьба против всемогущих и анонимных сил современности превращалась в борьбу против конкретных и в высшей степени уязвимых евреев. «Покорение» евреев должно было автоматически привести к восстановлению патриархальной идиллии.

Несмотря на некоторые удивительные параллели между ходом мыслей Бердяева и консервативных революционеров, между ними существовали и существенные различия: они критиковали демократию при разных обстоятельствах. Бердяев формулировал свои взгляды в то время, когда «первая русская демократия» уже была разгромлена и сменилась первым тоталитарным режимом в истории. Консервативные революционеры, напротив, направляли свою язвительную критику против еще существовавшего демократического государства, которое они хотели лишиться легитимности и свергнуть, что им, в конце концов, удалось. В этой связи политолог Ханс Бухгейм писал: «Национальная спесь, не желающая ... смириться с военным поражением, пока что еще не могла двинуться на своего врага и потому ополчилась против собственного государства, как если бы ликвидация этого государства была первым условием национального возрождения»³⁶.

Что Бердяева особенно раздражало в русской демократии 1917 г., это тот факт, что она не смогла остановить процесса распада русской государственности, который начался после свержения царя, и предотвратить превращение России в опытный полигон марксистских утопий. Была ли эта критика оправдана? Была ли «первая русская демократия» на самом деле так беспомощна, как полагали ее критики?

Отвечая на этот вопрос, нужно, прежде всего, отметить, что молодая русская демократия боролась против совершенно нового в истории противника: против тоталитарной партии, которая использовала все свободы, предоставленные демократическим государством, для уничтожения этого государства. Через 5 лет аналогичным образом пала итальянская, а через 15 лет – германская демократия, причем произошло это в мирное время, а не на четвертый год войны, как это было в России³⁷.

³⁵ Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931.

³⁶ Buchheim H. Das Dritte Reich. Grundlagen und politische Entwicklung. München, 1958. P.54.

³⁷ Несмотря на это родившаяся в 1917 г. русская демократия не раз демонстрировала способность к самозащите, прежде всего, во время неудачной попытки большевиков совершить государственный переворот 3-5 июля 1917 г. Тогда решительность русской демократии оказала

Однако в отношении русской революции Бердяев не признавал смягчающих обстоятельств. И через тридцать лет после русской революции он оставался по отношению к ней непреклонным. В автобиографии, написанной в середине 1940-х годов, Бердяев подчеркивал, что он был убежден в неминуемом закате созданной в феврале 1917 г. системы и неизбежности победы большевиков³⁸.

Эту детерминистскую точку зрения нельзя принимать безоговорочно. Русская катастрофа октября 1917 г., также как и немецкая катастрофа января 1933 г., не была предопределена судьбой, а являлась делом человеческих рук. Были возможны и другие выходы из этих кризисов. Те, кто в этой связи говорит о «точке невозврата» и утверждает, что с определенного момента победа большевиков в России и нацистов в Германии была неизбежна³⁹, недооценивают свободу выбора участников этих событий и степень их безответственности. Социал-демократический историк Конрад Хайден в связи с приходом Гитлера к власти писал «о времени безответственности», о своего рода дезертирстве значительной части политического класса Германии, которая почти без борьбы покинула политическую сцену, оставив ее нацистам⁴⁰.

Нечто подобное можно сказать и о событиях в России в канун большевистского государственного переворота октября 1917 г. Лев Троцкий, один из его руководителей, заявлял, что сил одного верного правительству полка было бы достаточно, чтобы сорвать этот переворот⁴¹.

Тот факт, что Керенский, последний демократический премьер-министр России, не имел в своем распоряжении такого полка, не был исторически предопределен. В этих событиях в России, как и затем в Германии в январе 1933 г., проявился масштаб безответственности значительной части политического класса⁴². В России была возможна и совсем иная реакция на стремление большевиков захватить государственную власть.

в. Бердяев о «Новом средневековье»

Первая книга, опубликованная Бердяевым после своей высылки из большевистской России и принесящая ему значительную славу, называлась «Новое средневековье». Этой книгой, прежде всего ее названием, Бердяев затронул нерв эпохи. В своих размышлениях он вышел далеко за рамки специфически русского. Однако

прямо-таки парализующее воздействие на ее крайне левых противников, которые позволили обезоружить себя без всякого сопротивления.

³⁸ Бердяев Н.А. Самопознание. С. 244-247.

³⁹ См. об этом: Poulantzas N. Faschismus und Diktatur. Die Kommunistische Internationale und der Faschismus. München, 1973.

⁴⁰ Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936.

⁴¹ Троцкий Л. Geschichte der russischen Revolution. Berlin, 1960. P.718.

⁴² См. также об этом: Суханов Н. Записки о русской революции. В 3-х т. Москва, 1991. Т. 3. С. 371-375.

без осмысления опыта русской катастрофы 1917-1921 гг. такая работа была бы немыслима. Именно на Востоке началось многое из того, что еще ожидало Запад. Обездоленные и лишенные корней русские эмигранты, как правило, чувствовали, что они по своему жизненному опыту некоторым образом превосходят западных европейцев. Они несли в себе тайное знание, которое непременно хотели передать людям из своего нового окружения. Но их послание редко доходило до адресатов. В этом отношении одним из немногих исключений были тексты Бердяева. Его книга, написанная в 1924 г., была сразу же переведена на западноевропейские языки и повлияла не только на русский, но и на общеевропейский дискурс. Послание Бердяева было однозначным: Первая мировая война и русская революция положили конец новой истории, которая ассоциировалась с такими понятиями, как гуманизм, просвещение, вера в прогресс, демократия, индивидуализм и т.д. «Старый мир, который рушится и к которому не должно быть возврата, и есть мир новой истории с его рационалистическим просвещением, с его индивидуализмом и гуманизмом, с его либерализмом и демократизмом, с его блестящими национальными монархиями и империалистической политикой, с его чудовищной индустриально-капиталистической системой хозяйства, с его могущественной техникой и внешними завоеваниями и успехами, с безудержной и безграничной похотью жизни, с его безбожием и бездушием, с разъяренной борьбой классов и социализмом как увенчанием всего пути новой истории»⁴³. Европа находилась на переломе, напоминая крах Древнего Рима. Проявились контуры новой эпохи, шедшей на смену новой истории, которую Бердяев назвал «Новым средневековьем». Как же Бердяев характеризует эту эпоху?

В отличие от новой истории, когда при ярком свете разума вытесняются мистические и священные элементы из человеческого сознания, новое средневековье отходит от моделей рационального объяснения мира. В «Новом средневековье» речь идет о темной, ночной эпохе, о скрытой Новым временем глубине человеческого бытия. Новое время было фиксировано на этом мире, на земном существовании человека; небеса и ад оставались недоступными для него. Новое средневековье устремило свой взгляд на оба эти измерения: оно воспринимало как божественное откровение, так и дьявольскую одержимость⁴⁴. Критикуя сменное новым средневековьем «серединное царство» или же власть «секулярной середины», Бердяев повторяет некоторые из обвинений, выраженных в 1918 г. в «Философии неравенства». С той же силой, что и в 1918 году, он отвергает политические и экономические явления, тесно связанные с буржуазной эпохой – такие, как демократия, либерализм и капитализм⁴⁵. Все эти идеологии и социаль-

⁴³ Бердяев Н. Новое средневековье. Размышления о судьбе России и Европы. Берлин, 1924. С.16.

⁴⁴ Там же. С. 18-19, 41. Уже в 1917 Бердяев сформулировал похожие тезисы. См. Бердяев Н. Об отношении русских к идеям. С. 56.

⁴⁵ Бердяев, Новое Средневековье. С.24. Федор Степун пишет, что критика «буржуазной середины» являлась своего рода красной нитью философии Бердяева, См. Степун Ф. Бывшее и

ные системы безнадежно устарели и постепенно уходят с политической сцены, считает Бердяев. Они были воплощением конфликта, личного эгоизма, «отпадения от духовного центра жизни, от Бога». Парламенты - «узаконение раздора», где преобладают «мнения» над «знанием», а истина вытесняется случайностью – «окончательно отомрут»⁴⁶. Сакральное как основа любой культуры вымирает. «Не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни»⁴⁷. Спор о догматах веры более не интересен для большинства людей: они чувствуют себя свободными от «священного безумия». Больше нет священных целей, за которые они хотели бы сражаться и умирать⁴⁸. Полнота бытия сменяется стремлением к смерти, волей к небытию.

В этом распадающемся мире зарождаются черты будущего. Рождение нового мира идет очень болезненно: смена эпох никогда не происходит мирно. Об этом свидетельствуют как большевистская, так и фашистская революция, которые, по мнению Бердяева, являются видимыми проявлениями нового средневековья⁴⁹.

В этой связи удивляет тот факт, что Бердяев положительно оценивал итальянский фашизм, предпочитая его не только большевизму, но и парламентской демократии, которую он считал реликтом уже приговоренного к смерти нового времени⁵⁰. Таким же образом, между прочим, описывали «демолиберальное» государство фашистские идеологи. Как же могло случиться такое, пусть даже и ненамеренное, совпадение мнений?

Прежде всего, отметим фиксацию русских эмигрантов на катастрофических событиях, которые они только что пережили в своей стране. Ужасы «красного террора», гражданской войны и голода 1921-1922 гг. с его 5 миллионами жертв определяли их отношение к кризису Запада. Этот кризис был несопоставим с русским апокалипсисом. Грядущая катастрофа Освенцима тогда еще не снилась даже в самом страшном сне. Что фашистский, точнее нацистский, террор примет в дальнейшем такой же апокалипсический размах, что и коммунистический, и в некоторых сферах даже превзойдет ужасы коммунистического господства, могли тогда представить себе лишь немногие. Среди этих немногих были и итальянские социал-демократы, ставшие первыми жертвами фашистского террористического режима. Один из них, Филиппо Турати, в 1928 г. сказал, что фашизм, вы-

несбывшееся. Лондон, 1990. Т. 1. С. 285-286. См. также Бердяев Н. О духовной буржуазности // Путь 4/1926. С.3-13; его же. Дневник философа // Путь 4/1926, С. 179; См. также Sorokin P. Kulturkrise und Gesellschaftsutopie. Moderne Theorien über das Werden und Vergehen von Kulturen und Wesen ihrer Krisen. Stuttgart-Wien, 1953. P.162-167.

⁴⁶ Бердяев, Новое Средневековье. С. 25-26, 50; сравни: Бердяев. Философия неравенства.

⁴⁷ Бердяев. Новое средневековье. С. 31-32.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 20, 26-27.

⁵⁰ Там же. С. 26-27, 78-79; аналогичные тезисы отстаивали и другие авторы из среды русской эмиграции, прежде всего некоторые представители возникшего в 1921 г. движения евразийцев. См.: Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 52, 56; Алексеев Н. Теория государства. Издание евразийцев, С.10; Карсавин Л. О книге G.Gentile „Che cosa è il fascismo“. – Евразийская хроника, 1927, №8. С. 53.

шедший из войны, сам непременно приведет к новой войне. Если фашизм укрепится и расширится, он сможет вызвать в Европе, и даже во всем мире, состояние постоянной войны и расколоть государства не на классы, а на расы. На неопределенное время фашизм разделит мир на малочисленную расу господ и огромную массу рабов⁵¹.

Но предупреждения такого рода тогда почти не вызывали отклика в Европе. Напротив, во второй половине 1920-х годов престиж Муссолини заметно вырос. Его считали государственным деятелем, выведшим Италию из анархии и создавшим одно из самых стабильных правительств в истории страны. Большинство наблюдателей не замечали того, что эта стабильность содержит в себе черты, неминуемо ведущие к дестабилизации Италии и Европы. Например, известный немецкий социолог Роберт Михельс в 1925 г. писал: «история фашизма учит, что было бы неправильно ожидать от правящих ныне членов партии осуществления политики государственных переворотов. Правительство великого государства оказывает ассимилирующее влияние на умонастроения и еще более – на действия пришедших к власти»⁵².

Так что Бердяев в своей недооценке фашистской опасности, и даже в своем довольно положительном отношении к фашизму в Европе в то время не был одинок. Так называемое корпоративное фашистское государство представлялось ему адекватным ответом на кризис европейской демократии. В строительстве фашистского государства он даже увидел черты грядущей эпохи «Нового средневековья». Фашизм, писал Бердяев, пренебрегает внешними правовыми нормами и институциональными барьерами, он воплощает спонтанную жизненную волю к власти. Парламентское государство с его искусственным сдерживанием политических эмоций и защитой эгоистичных партийных интересов переживает свой конец. Будущее принадлежит кооперативам, профсоюзам, цехам и синдикатам, которые структурируют общество по профессиональным, а не по партийно-политическим принципам. Все эти организации борются не за политическую власть, а стремятся решать конкретные жизненные вопросы. «Новое средневековье» будет народным, но не демократическим. Народные массы не в состоянии управлять сами собой, им нужен правитель. Так что государство «Нового средневековья» будет выстроено иерархически; по возможности, с личностью, подобной Цезарю, во главе⁵³.

Аналогичным образом определяли фашистское государство такие идеологи итальянского фашизма как Дж. Джентиле или Дж. Боттаи. Для них также новый режим представлял собой адекватную попытку заменить декадентскую, неспособную принимать решения демократию жизненной и дееспособной системой.

⁵¹ Turati F. Faschismus, Sozialismus und Demokratie // Nolte E. (Hrsg.). Theorien über den Faschismus. Köln, 1967. P.143-144, 150-151.

⁵² Michels R. Sozialismus und Faschismus in Italien. München, 1925. Bd. 1, P. 316.

⁵³ Бердяев Н.А. Новое средневековье. С. 51-52. См. также Федотов Г. Carmen saeculare // его же. Лицо России. С. 209.

Бердяев и некоторые другие тогдашние интерпретаторы фашизма становились жертвой известной иллюзии: фашизм на самом деле был последствием глубочайшего в европейской истории кризиса демократии; но вместо того, чтобы разрешить этот кризис, фашизм многократно углублял его. Как писал об этом в 1931 г. немецкий правовед Клаус Геллер, «европейское государство нельзя обновить лишь силой и активностью. Фашизм может противопоставлять безвольным нормам лишь волю без норм»⁵⁴.

Эта, как ее назвал Геллер, фашистская «воля без норм», то есть созданное фашистами «государство произвола», должно было, в конечном счете, низвергнуть европейскую цивилизацию в еще более глубокую пропасть, чем это сделал большевизм.

Наряду с фашистским государственным переворотом в Италии, Бердяев, как уже было сказано, считал русскую революцию феноменом, обозначившим конец буржуазного нового времени. Согласно Бердяеву, русское общество чувствовало себя неуютно в современном «серединном царстве». Россия никогда не покидала священного средневековья⁵⁵. И вот здесь почти мгновенно произошел переход от средневековой теократии к сатанинской власти «Нового средневековья». Русское мышление всегда было в значительной мере эсхатологическим; оно, прежде всего, интересовалось концом света. Если на Западе люди чувствовали себя в этом мире как дома, то русские не были с ним тесно связаны, они редко стремились к земным благам. Они были устремлены или к Царству Божьему, или же, если их вера в Бога исчезала, к безбожному царству антихриста⁵⁶. Все эти сущностные черты русского национального характера повлияли на характер русской революции. Она разворачивалась по сценарию Достоевского⁵⁷, который распознал, что социализм в России – это не политическое учение, а попытка избавить человечество без Бога. Так как, по Бердяеву, русская революция является следствием глубокого психического заболевания нации, связанного с ее отходом от веры в Бога, нация может признать лишь ту власть, которая соответствует ее душевному состоянию. Такой властью и стали большевики. Они воспользовались процессом морального разложения, который охватил нацию, и приплыли с этим потоком. Поэтому большевизм – это и есть народная власть в истинном смысле этого слова⁵⁸.

Аналогичное наблюдение принадлежит и другому участнику тогдашних событий – Федору Степуну, который пишет: «Как прирожденный вождь (Ленин) инстинктивно понимал, что вождь в революции может быть только ведомым, и, бу-

⁵⁴ Heller H. Europa und der Faschismus. Berlin, 1931. P.65.

⁵⁵ Бердяев. Новое средневековье. С.20; см. также Бердяев. Типы. С. 30.

⁵⁶ Бердяев. Новое средневековье; см. также Бердяев, Миросозерцание Достоевского. С. 13-14; Степун. Бывшее. Т. 2. С. 271; см. также Волкогонова В. Бердяев о русской истории и русской идее // Н.А.Бердяев. М. 2013. С.458, 461.

⁵⁷ Бердяев. Новое средневековье. С. 84.

⁵⁸ Там же. С. 60-64, 70-71.

дучи человеком огромной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов»⁵⁹.

Бердяев, не в последнюю очередь по упомянутой Степуном причине, считал большевиков единственными реалистами в русской революции. Умеренные же течения, например, конституционные демократы, которые хотели учредить в России демократическую систему западного образца, были, с точки зрения Бердяева, напротив, утопистами. Они не могли понять логику революции – эту логику безумия. Большевики же чувствовали себя в революции как в своей стихии: «Рационалистическим безумием нужно признать всякую надежду, что в стихии революции могут господствовать и могут ее направлять какие-либо умеренные, разумные партии... Это и есть самая неосуществимая из утопий. В русской революции утопистами были кадеты, большевики же были реалистами»⁶⁰.

Как уже было обозначено, тезис Бердяева о неизбежной большевизации русской революции страдает детерминизмом. Победа большевиков, которая была не принята, за редким исключением, всем политическим классом России и большинством ее населения, никоим образом не была предопределена. Решающую роль в победе большевиков сыграли отнюдь не неизбежные ошибки их противников.

Тезис Бердяева о якобы врожденной склонности россиян к экстремальному мышлению и поведению также ставится под вопрос многими авторами⁶¹.

Однако, несмотря на некоторую свою односторонность, текст Бердяева содержит впечатляющий анализ глубинных причин русской революции. Бердяев, прежде всего, подчеркивает, что простые русские люди не хотели мириться с существованием европеизированного высшего слоя русского общества. Пропасть между «верхами» и «низами» была в России глубже, чем в любой другой европейской стране⁶². Русская интеллигенция не представляла себе масштабов этой пропасти. Она также недооценивала тот факт, что царский режим, который она не принимала, представлял собой единственную силу, ограждавшую образованную часть общества от народного гнева (об этом уже писал Михаил Гершензон). Господствующая бюрократия действительно преследовала представителей культуры и творческой элиты, но в то же время она создавала саму возможность их существования, защищая иерархические структуры и «принцип качества»⁶³, на которых держится культура. После свержения монархии эти принципы потеряли своих важнейших защитников. Дифференцированная культура петербургской России сменилась солдатско-крестьянской советской культурой. Не большевики стали причиной огрубления культуры и стиля жизни в стране. Они лишь приспо-

⁵⁹ Степун Ф.А. Сочинения. М., 2000. С. 342.

⁶⁰ Бердяев. Новое средневековье. С. 62.

⁶¹ См. об этом: Федотов Г.П. Бердяев – мыслитель; Осипов Н. Клевета друзей. Мюнхен, 1958; Кизеветтер А. О «Русской душе» // Н.А. Бердяев: Pro et contra. С.331-333.

⁶² Бердяев. Новое средневековье, С. 76; см. также: его же. Истоки и смысл русского коммунизма, Paris, 1955. С. 111.

⁶³ См. Бердяев. Философия неравенства; его же. Новое средневековье.

собились к этому процессу, к тому, что русские социальные «низы» воспринимали культурную элиту как инородное тело, которое они любой ценой стремились удалить из социального организма⁶⁴. Режим, который решился бы взять культурную элиту под свою защиту, учитывая психическое состояние, в котором пребывал русский народ, не имел шансов на выживание.

После такого глубокого анализа коренных причин русской революции, следовало не менее впечатляющее описание важнейших ее последствий. К ним, с точки зрения Бердяева, в первую очередь относилось антропологическая метаморфоза, которая тогда происходила в России. Тектонические потрясения, которые Россия испытывала после начала войны и революции, выдвинули на поверхность новый тип человека. Такой тип людей был ранее не известен в России. Он чувствовал себя вольготно на этой земле и стремился к тому, чтобы сделать свое земное существование как можно более приятным. Глубоко укорененное в России стремление к Богу и Правде было ему полностью чуждо. Эти молодые люди, фиксированные на земную жизнь, воплощали собой не только разрыв со старой Россией, но и с поколением старых большевиков, которые были революционными романтиками. Этому новому поколению была чужда любая романтика. Эта чуждая идейности позиция была страшна для старой большевистской гвардии, которая должна была идти на соглашение с этими «новыми людьми», так как старая гвардия была обязана им сохранением своей власти. Но старая гвардия предчувствовала, что окончательный триумф нового поколения большевиков приведет коммунистическую идею к закату. Самая большая опасность для России исходит теперь не от уходящей старой коммунистической элиты, а от приходящего ей на смену «человека нового типа», писал Бердяев⁶⁵.

Эти слова, написанные в 1924 г., были пророческими. Несколькими годами позже началось инспирированное Сталиным восстание нового сословия большевистских функционеров против поколения соратников Ленина. Старые большевики в основном продолжали традиции русской интеллигенции и тем самым представляли собой последний реликт петербургской России в Советской империи. Они были настроены нонконформистски и «космополитически». Все эти качества считались в глазах социальных «низов», а также молодого поколения большевиков, как правило, людей пролетарского или крестьянского происхождения, исключительно элитарными. Сталкивались две эпохи в развитии культуры, имевшие мало точек взаимного соприкосновения и все более отчуждавшиеся друг от друга. В этом наверняка состоит одно из важнейших объяснений относительно легкой победы Сталина над подавляющим большинством ленинской гвардии. Когда новый диктатор в декабре 1927 г. заявил: «Мы не хотим иметь в

⁶⁴ Бердяев. Новое средневековье. С. 73-74.

⁶⁵ Там же. С. 75, 93-94; см. также Федотов Г. Русский человек // его же. Новый Град. Нью-Йорк, 1952. С. 59-88; Степун, Сочинения. С. 470; Gurian W. Bolschewismus. Einführung in Geschichte und Lehre. Freiburg i.Br., 1932. P.137.

партии дворян»⁶⁶, этот его призыв вызвал широкий отклик в партийных массах. Лишение старых большевиков власти последовало через несколько лет, а во время Большого террора 1936-1938 гг. они были почти полностью уничтожены. Так что прогноз Бердяева по поводу обреченного на смерть поколения «революционных романтиков» подтвердился в течение 12 лет. Бердяев считал описанную им антропологическую трансформацию явлением универсальным. По Бердяеву, не только в России, но и во всей Европе шло всеобщее огрубление и варваризация культуры⁶⁷. Этот диагноз не отражал тогдашнего состояния европейской культуры, которая переживала в «золотые двадцатые годы» свой новый расцвет. Несмотря на это Бердяеву, как и другим русским мыслителям-эмигрантам, было ясно, как хрупок фундамент, на котором базируется европейская культура. Через 9 лет после высказываний Бердяева о варваризации европейской культуры к власти в Германии пришел Гитлер, а через 16 лет – был построен концлагерь Освенцим.

г. Амбивалентность русского национального характера и русского мессианства – от «Третьего Рима» до Третьего Интернационала (?)

Бердяев представлял русскую революцию в первую очередь как духовный процесс, происходящий, прежде всего, в умах. В то же время революция опиралась, с его точки зрения, на определенные, уже сложившиеся, черты русского национального характера. Вопреки своему универсальному характеру, русская революция была подлинно национальной, также как Английская революция XVII в. и Великая французская революция 1789 г. Все эти революции сочетали в себе национальные и универсальные черты. Тезис Бердяева о национальном характере русской революции противоречил распространенной среди русской эмиграции «теории заговора», объяснявшей революцию 1917 г. вероломством русофобских кругов разного рода, действовавших внутри России и за ее границей.

Какими же духовными предпосылками русского национального характера был обусловлен переворот 1917 г.? Ответу на этот вопрос посвящены, прежде всего, такие работы Бердяева как «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937 г.) и «Русская идея» (1945 г.). Бердяев, анализируя эту проблематику, отмечает следующие парадоксы: с одной стороны, русский национальный характер отличается ярко выраженными анархическими чертами, глубоко укорененной неприязнью к государственной власти как таковой. С другой стороны, этот далекий от государства народ сумел создать самую большую империю в мире. Так, например, вольные казаки, все время бунтовавшие против царского правительства, колони-

⁶⁶ Пятнадцатый съезд ВКП (б), 1927 г. Стенографический отчет, М., 1961. С. 89-90.

⁶⁷ Бердяев. Новое средневековье. С. 78, 90, 94, 96.

зировали бескрайние земли на окраинах России: «Ермак подарил русскому государству Сибирь»⁶⁸.

Аналогичное амбивалентное отношение к русскому самодержавию Бердяев отмечал также и у возникшего в 1830-е годы движения славянофилов. Славянофилы смотрели на бюрократическое централизованное государство со скептицизмом, похожим на отношение к нему вольных казаков; можно их даже считать анархистами. В то же время славянофилы признавали самодержавие, хотя и в идеализированном смысле, наиболее подходящей формой правления в России. Царь взвалил на свои плечи бремя власти, непосильное русскому народу. Таким образом, по Бердяеву, славянофилы, подобно вольным казакам, не любили государство, но рассматривали его в качестве необходимого зла⁶⁹.

Такого рода терпеливое отношение к государству было полностью чуждо русской интеллигенции, возникшей в то же время, что и славянофилы. Согласно Бердяеву, интеллигенция на первый взгляд олицетворяла радикальный отказ от государства, неприятие его как такового. И все же, отказ от государства не был свойственен всем течениям интеллигенции, продолжает свои размышления Бердяев. Некоторые категорически отрицали жажду полного разрушения государства, характерную, прежде всего, для русских анархистов (Бакунин) и высказывались за использование государственного аппарата принуждения для эффективного осуществления социалистических идеалов. В 1870-е годы, например, эту точку зрения разделял Петр Ткачев; он, по мнению Бердяева, во многом предопределил государственный деспотизм большевиков, которые также вышли из ордена интеллигенции⁷⁰. Политический успех Ленина Бердяев объясняет, прежде всего, тем, что он не был типичным интеллигентом. Ленин, в сущности, объединял глубоко укоренившуюся в России традицию революционного максимализма, направленного на разрушение государства, с традиционным его деспотизмом⁷¹. И в самом деле: революционный порыв Ленина помог ему разрушить существовавшее российское государство. В то же время как деспотические качества Ленина облегчили ему утверждение своей власти и создание нового государства, на этот раз - на тоталитарных основах.

Революционная русская интеллигенция со времени своего возникновения отождествляла себя с ролью жертвы. Ее, как правило, не интересовали вопросы возможного прихода к власти или механизмы осуществления своего господства. Лишь большевики, как справедливо отмечал Бердяев, вели себя иначе. Свой доктринерский утопизм большевики сознательно связывали с вопросом о власти, что существенно облегчало им борьбу за единоличное господство.

⁶⁸ Бердяев. Русская идея. С. 14; См. также Моторошилова Н. Мыслители России и философия Запада. В. Соловьев, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов, М., 2006. С. 302-303.

⁶⁹ Бердяев. Русская идея. С. 52, 148-149.

⁷⁰ Там же. С. 121-122.

⁷¹ Бердяев. Истоки. С. 99.

Бердяев, как уже говорилось, считал победу большевиков в русской революции неизбежной: «По русскому духовному складу, революция могла быть только тоталитарной. Все русские идеологии были всегда тоталитарными, теократическими или социалистическими. Русские – максималисты, и именно то, что представляется утопией, в России наиболее реалистично... В России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, ... была утопией, не соответствующей русским духовным традициям и господствовавшим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической. Либеральное движение ... не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющих идей»⁷².

Можно согласиться с Бердяевым в том, что русское общество в 1917 г. сделало свой однозначный «социалистический выбор». На всех выборах, состоявшихся в этом году, социалистические партии, как правило, получали подавляющее большинство; либеральные группы, напротив, все в большей мере вытеснялись на обочину политической жизни. С другой стороны, «социалистический выбор» никоим образом не был равнозначен «выбору тоталитарному». Для подавляющего большинства русских социалистическая идея тогда непосредственно связывалась с идеей демократической. Выборы в Учредительное Собрание в ноябре 1917 г. впечатляющим образом подтвердили это. Умеренные социалистические партии, прежде всего партия социалистов-революционеров (эсеров), решительно отклонявшие тоталитарную модель большевиков, получили в сумме больше 2/3 голосов. Население выдало им, а не большевикам, мандат на управление страной. То, что большевики насильственным образом нарушили волю избирателей и разогнали Учредительное Собрание, с самого начала лишило их режим всякой легитимности и заставило ввести фактически чрезвычайное положение, осуществлять которое они начали с государственного переворота 25 октября (7 ноября по новому стилю) 1917 г. Большевики испытывали панический страх перед волей избирателей; это был не только страх перед русским обществом как таковым, но и перед «трудящимися массами», от имени которых они якобы правили. Когда выборы в местные Советы, проведенные через несколько месяцев после разгона Учредительного Собрания, все чаще завершались поражением большевиков, которых побеждали их умеренные оппоненты эсеры и меньшевики, большевистское руководство 14 июня 1918 г. незамедлительно изгнало своих неудобных соперников из Советов. Обоснованием этого акта произвола было якобы участие обеих партий в «организации вооруженных восстаний против рабочих и крестьян в союзе с явными контрреволюционерами»⁷³.

Все эти факты противоречат тезису Бердяева об экстремистских наклонностях, якобы глубоко укорененных в русском характере. Когда у народа был реальный выбор, он никогда не выбирал большевистский радикализм. По этому

⁷² Бердяев. Русская идея. С. 249.

⁷³ Altrichter H. Die Sowjetunion. Von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod. Bd. 1: Staat und Partei. München, 1986. P. 69.

поводу Карл Каутский, один из ведущих теоретиков социал-демократии, в 1919 г. писал: «То, что большевики чувствуют себя в народе меньшинством, объясняет, почему они так настойчиво отказываются от демократии. ... Большевики, чтобы удержаться [у власти], готовы делать все возможные уступки бюрократии, милитаризму, капитализму. Но уступку демократии большевики считают самоубийством»⁷⁴.

Когда русское общество вследствие горбачевской перестройки получило, как и в 1917 г., возможность свободного выбора, оно сказало единовластия КПСС, полностью контролировавшей тогда всю государственные структуры в стране, решительное «нет». Президентские выборы в России 12 июня 1991 г. завершились внушительной победой Бориса Ельцина, олицетворявшего тогда демократический и антикоммунистический «выбор» России. Когда 19 августа 1991 г. коммунисты попытались силой повернуть колесо истории вспять, аналогично разгону ими Учредительного Собрания 18 января 1918 г., они потерпели крах. В столкновении между непопулярной властью и безвластной популярностью последняя одержала решительную победу. То обстоятельство, что победившие демократы быстро утратили доверие народа, полученное во время августовской революции 1991 г., - это уже другая тема.

Подводя итог, можно сказать, что большая часть русского общества, как в 1917 г., так и в 1991 г., вела себя не по сценарию написанному Бердяевым. Большинство населения России отвернулось от большевистского тоталитаризма и оказывало решительное сопротивление попыткам большевиков достичь своих целей; это было как во время трехлетней гражданской войны (1918-1921 гг.) с ее миллионными жертвами, так и во время трехдневного коммунистического путча в августе 1991 г.

То обстоятельство, что большевики в 1921 г. в итоге выиграли гражданскую войну, а вскоре после лишения их власти в августе 1991 смогли перейти к новому наступлению, в конечном итоге связано не с предполагаемыми Бердяевым тоталитарными наклонностями русских, а с действием иных факторов, рассмотрение которых выходит за рамки нашей статьи.

Победу большевиков Бердяев выводит не только из якобы глубоко укорененной в русском национальном характере склонности к тоталитарному мышлению, но и из стремления к мессианству, влиявшего на развитие России с начала нового времени. В этой связи Бердяев вновь углубляется в теорию «Москва – Третий Рим», сформулированную в начале XVI в. псковским монахом Филофеем в ряде писем Великому князю Московскому Василию III⁷⁵.

Но и «мессианский тезис» Бердяева, как и его тезис о распространенном в России тоталитарном мышлении, содержит ряд внутренних противоречий. Хотя

⁷⁴ Kautsky K. Terrorismus und Kommunismus. Ein Beitrag zur Naturgeschichte der Revolution. Berlin, 1919. P.146.

⁷⁵ Бердяев. Истоки, С. 9-10; его же. О характере русской религиозной мысли // его же. Типы религиозной мысли. С. 12.

Филофей в своих письмах Василию III и возносил Москву - кладезь истиной чистой веры, вечному Третьему Риму подобный, означало ли это, что псковский монах был вдохновлен универсальными мессианскими мотивами, стремлением избавить все человечество от ложной веры, как это внушает Бердяев? Едва ли. Многие историки отмечают, что идея «Москва – Третий Рим» представляла собой не активно экспансионистскую, а боязливо изоляционистскую концепцию. Филофей, прежде всего, стремился не обратить в истинную веру другие народы, а уберечь свои собственные убеждения не только от разрушительных внешних воздействий, но и от внутренней коррозии. Сам же Бердяев указывает на то, что в Москве в начале нового времени состоялась национализация изначально всеобщей православной веры: «Вселенское сознание было ослаблено в русской церкви настолько, что на греческую церковь, от которой русский народ получил свое православие, перестали смотреть как на истинную православную церковь, в ней начали видеть повреждение истинной веры. Греческое влияние воспринималось народным религиозным сознанием как порча, проникающая в единственное в мире православное царство. Православная вера есть русская вера, не русская вера – не православная вера»⁷⁶.

Богослов Георгий Флоровский в то же время, что и Бердяев отмечал чрезвычайное сужение «православного горизонта», которое наблюдалось в Москве в начале нового времени, на растущее недоверие по отношению к греческим традициям и «греческой вере». Это недоверие было связано с непризнанной Москвой Флорентийской унией между Римом и Константинополем 1439 г. Но корни отчуждения между Москвой и Византией были еще глубже. Растущее национальное сознание Москвы уже в XIV в. стремилось освободиться от византийских учителей⁷⁷.

В своем фундаментальном труде «Москва – Третий Рим» немецкий историк Хильдегард Шедер отмечала, что уже в XIV в. стиль написанных в Москве трактатов становился все более высокопарным. Убежденность в особом характере Московского государства и «русской веры» принимала все более отчетливые черты⁷⁸. Такой «менталитет осажденной крепости» имел мало общего с мессианством в истинном его смысле. Доктрина «Москва - Третий Рим» провозглашала избранность русского народа, но мессианский пыл, которым тогда отличалась западная культура, был ей чужд. Стремление к радикальному изменению мира в начале Нового времени было характерной чертой «фаустовского» Запада, но оно тогда не затронуло Россию. Русская культура, как и культура Запада в Средние века, оставалась в основном созерцательной.

Лишь когда Петр Великий «прорубил» для России окно в Европу, русское общество, по меньшей мере, его европейскую часть, охватило «фаустовское»

⁷⁶ Бердяев, Истоки. С. 10.

⁷⁷ Флоровский Г. Пути русского богословия. Paris, 1937. С. 10-11.

⁷⁸ Schaefer H. Moskau – das dritte Rom. Darmstadt, 1957; см. также: Люкс Л. Государство правды // Люкс Л. Третий Рим? Третий рейх? Третий путь? М., 2002.

стремление к глубокому обновлению и переустройству мира. На это указывает Бердяев⁷⁹ и тем самым ставит под вопрос свой тезис о преемственности «от Третьего Рима - к Третьему Интернационалу». Сторонники идеи всемирной пролетарской революции, на которой был основан «Третий Интернационал», на самом деле, были вдохновлены мессианско-универсалистским представлением об освобождении всего человечества от эксплуатации одного класса другим. Но это их как раз и отличало от приверженцев идеи «Москва – Третий Рим».

Хотя основной тезис Бердяева и имеет некоторые недостатки, так как недооценивает качественно новые элементы в большевизме и представляет его лишь в качестве древнерусского явления в современной европейской одежде, но с другой стороны, мы, безусловно, зашли бы слишком далеко, если бы полностью отрицали наличие определенных традиционных древнерусских черт, отраженных в большевизме, и рассматривали бы большевизм лишь в качестве продукта, введенного с запада, как это делают некоторые его русские критики. В действительности большевизм двулик, подобно Янусу: один его лик - русский, другой - западный. Если универсалистское стремление большевизма однозначно имело западное происхождение, то русскими были, как это первоначально было обозначено, его государственно-деспотические и патерналистские черты, его тенденция рассматривать общество как незрелого подростка нуждающегося в опеке, требующего продолжительного нравственного воспитания.

Бердяев в этой связи писал: «Большевизм вошел в русскую жизнь, как в высшей степени милитаризованная сила. Но старое русское государство всегда было милитаризованным ... (Большевики) создали полицейское государство, по способам управления очень похожее на старое русское государство. Но организовать власть, подчинить себе рабоче-крестьянские массы нельзя одной силой оружия, чистым насилием. Нужна целостная доктрина, целостное мирозерцание, нужны скрепляющие символы. В Московском царстве и в империи народ держался единством религиозных верований. Новая единая вера для народных масс должна быть выражена в элементарных символах. По-русски трансформированный марксизм оказался вполне пригодным»⁸⁰.

д. Последние годы

Хотя Бердяев рассматривается на Западе как типично русский православный мыслитель, он решительно отклонял такие интерпретации. Он не причислял себя к определенной группе или течению; принадлежность к любому из них ему претила. Бердяев не признавал никаких высших авторитетов - ни светских, ни церковных; он был всегда верен только самому себе. Федор Степун называл его по-

⁷⁹ Бердяев. Истоки. С.70.

⁸⁰ Там же. С. 99.

следователем монизма, который был вдохновлен в своем мышлении одной идеей - идеей свободы.⁸¹ На самом деле, едва ли какой-либо иной русский мыслитель столь беззаветно посвятил свою жизнь идеалу свободы и так страстно боролся с противниками свободы любого рода, как это делал Бердяев. Особенно острые разногласия существовали у него с противниками свободы из среды русской эмиграции. В своих автобиографических заметках он подчеркивал: «Я почувствовал, что эмиграция правого уклона терпеть не может свободы и ненавидит большевиков совсем не за то, что они истребили свободу. Свобода в эмигрантской среде признавалась не более, чем в большевистской России»⁸².

Бердяев жаловался на растущее одиночество в эмигрантской среде, в особенности после переезда из Берлина в Париж в 1924 г. Критики, по словам Бердяева, обвиняли его в «левом уклоне»; они предостерегали эмигрантскую молодежь от «пагубного» влияния «бердяевщины»⁸³.

Понятна эмоциональная реакция Бердяева на язвительную критику со стороны оппонентов, однако его чрезвычайно резкие суждения в адрес эмиграции как таковой вряд ли обоснованы. Где же после установления в России большевистского режима еще сохранялось культурное наследие страны во всем его разнообразии, как не в эмиграции? Лишь в эмиграции можно было совершенствовать насильственно прерванный в 1917 г. философский, богословский и литературный дискурс «Серебряного века». Бердяев своими книгами, статьями, докладами, издаваемым им с 1926 г. религиозно-философским журналом «Путь» и другими мероприятиями во многом способствовал продолжению этого дискурса. Едва ли какой-либо иной русский мыслитель был столь широко представлен в русской эмигрантской печати, как Бердяев. Так что его жалобы на растущую изоляцию не подтверждаются фактами.

Когда в июне 1940 г. нацистские войска оккупировали Париж, Бердяев, как и в 1917-1922 гг., когда он вынужден был жить в большевистской России, не был готов идти на какие-либо компромиссы с тоталитарной властью. Он демонстративно прервал всякие контакты с коллаборационистами из среды русской эмиграции, которые, в особенности после нападения Гитлера на СССР, поддерживали нацизм. В то же время он безоговорочно солидаризировался со своей Родиной. В автобиографии Бердяев писал: «Я все время верил в непобедимость России. Но опасность для России переживалась очень мучительно... Я делил людей на желающих победы России и желающих победы Германии. Со второй категорией людей я не соглашался встречаться, я считал их изменниками»⁸⁴. Впрочем, также

⁸¹ Степун. Бывшее, Т. 1, С. 257; Зернов, Русское религиозное возрождение. С. 173-174; Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. С.7; Порус В. Н.А. Бердяев: эсхатология свободы // Н.А.Бердяев. С.86-128; Dietrich W. Nikolaj Berdjajev. Sein Denken im Prozess. Teilband I. Berlin, 2009. P.15.

⁸² Бердяев. Самопознание. С. 269, 277.

⁸³ Бердяев, Самопознание, С. 279. См. также Струве П. Дневник политика (1925-1935). М.-Париж, 2004. С.322-327, 351-354, 427-428, 612, 640, 646.

⁸⁴ Там же. С.357.

думали и другие представители квартета «Вехи» - Струве, Булгаков и Франк. Несмотря на радикальные расхождения с большевизмом, они во время германо-советской войны были солидарны со своей Родиной, которой угрожала смертельная опасность.⁸⁵

Решительная антинацистская позиция Бердяева была известна германским оккупационным властям. Несмотря на это, Бердяев после нескольких допросов в гестапо оставался на свободе. Это обстоятельство связано с тем, что в руководстве германских оккупационных властей были и почитатели знаменитого русского философа. Они и взяли его под защиту⁸⁶, несмотря на тот факт, что нацистская пропаганда дискредитировала бердяевские идеи как своего рода «религиозный большевизм». С конца 1938 г. труды Бердяева были в Германии запрещены⁸⁷.

После краха нацистского режима в духовном развитии Бердяева произошла поистине загадочная метаморфоза. Бердяев, бескомпромиссный сторонник свободы, из благодарности за уничтожение Третьего рейха Красной армией, умерил, по крайней мере временно, свою критику советского режима.

Когда кремлевские властители 14 июня 1946 г. «амнистировали» (именно так!) живших во Франции русских эмигрантов и предложили им возвратиться в Россию в качестве советских граждан, Бердяев приветствовал этот указ Верховного Совета СССР. Он высказался за то, чтобы принять предложение советского гражданства с учетом некоторых «почетных исключений»⁸⁸ и даже назвал получение советского паспорта «патриотическим долгом»⁸⁹. В русской эмиграции произошел глубокий раскол, охвативший даже иерархов Русской Православной Церкви во Франции.

Парижский митрополит Евлогий даже отпраздновал сталинский акт амнистии в качестве «великого исторического события» и призвал, несмотря на некоторые сомнения, к примирению Парижского Экзархата и Московского Патриархата. Однако епископский синод Парижского Экзархата 16 октября 1946 г. отказался от этой инициативы митрополита, к тому времени уже умершего⁹⁰.

Из живших во Франции русских эмигрантов около 5% решились принять рекомендуемый Бердяевым советский паспорт. Почти половина из новых граждан СССР вернулась в Россию⁹¹. Если подумать, какие трагические последствия

⁸⁵ См. Степун, Бывшее. Т. 2, С. 402.

⁸⁶ Reichelt St.G. Nikolaj A.Berdjaev in Deutschland 1920-1950. Leipzig, 1999. P.188-189; Бердяев. Самопознание. С. 358; Бердяев позже шутил, что своей свободой в оккупированной Франции он был обязан почтением, которое немцы испытывали к философии (Бердяев. Самопознание. С.358).

⁸⁷ Reichelt. Berdjaev. P. 157-158.

⁸⁸ Там же. P.191.

⁸⁹ Герра Р., Ваксберг А. Семь дней в марте. Беседы об эмиграции. М., 2010. С. 2; см. также Пасхальный свет на улице Дарю. С.467.

⁹⁰ Бобринский Б. (изд.). Преподобный Сергей в Париже, Париж, 2010. С. 63; Reichelt. Berdjaev. P.190; Герра Р., Ваксберг А. Семь дней. С. 280.

⁹¹ Герра Р., Ваксберг А. Семь дней. С.284.

имело это решение для многих репатриантов, судьба которых теперь была брошена на милость или немилость советских органов госбезопасности, пропаганда вступления в советское гражданство, в котором также участвовал Бердяев, выглядит как особенно безответственный акт.

Для себя же Бердяев категорически отклонял возможность возвращения в Россию. Свое решение он обосновал отсутствием в России свободы слова, прежде всего в сфере философии. «Но что я мог бы там делать, - спрашивал он в своих автобиографических записках. - Именно философу возвращаться в Россию не имеет смысла»⁹². В разговоре с сотрудником советского посольства в Париже Бердяев назвал условием своего возвращения в Россию свободную продажу своих книг, написанных в эмиграции, и свободный доступ к ним читателей⁹³.

Короткий флирт Бердяева с советским режимом вызвал разочарование и возмущение многих русских эмигрантских мыслителей. Георгий Федотов в 1948 г. в некрологе памяти Бердяева писал, что Бердяев, находясь под впечатлением победы Советского Союза над Третьим рейхом, все меньше обращал внимание на сходства между обоими тоталитарными режимами: «Жила вера, ни на чем не основанная в близость больших перемен во внутренней политике большевистской партии ... Не желая покоряться ни законам природы, ни авторитетам человеческим и даже божественным, Бердяев склонил свою гордую голову перед историей, в одной из ее самых страшных и отвратительных фаз, перед коммунистической революцией»⁹⁴.

Сергей Левицкий, другой русский мыслитель-эмигрант, дополнил эти слова: Бердяев «даже если и кратковременно и с определенными оговорками, стал, однако, союзником одной из самых страшных форм тоталитаризма, бесстрашным обличителем которой он когда-то был»⁹⁵.

Надежды на перемены в России после победы над Третьим рейхом питали не только Бердяев и другие русские эмигранты, но и значительная часть советского общества. Самые смелые картины будущего рисовали даже такие верные слуги Сталина, как писатель Алексей Толстой. 22 июля 1943 г. он писал в своей записной книжке: «Народ, вернувшись с войны, ничего не будет бояться. Он будет требователен и инициативен... Китайская стена довоенной России рухнет»⁹⁶.

«Вместе с демобилизацией вернутся к жизни люди, все выдавшие. Эти люди принесут с собой новую меру вещей», - писал в октябре 1944 г. поэт Николай Асеев⁹⁷.

В деревне распространялись слухи о скорой ликвидации колхозов⁹⁸.

⁹² Бердяев. Самопознание. С. 364.

⁹³ Reichelt. Berdjajev. P.191.

⁹⁴ Федотов Г. Новый град. Нью-Йорк, 1952, С. 314, 317.

⁹⁵ Цит. по: Reichelt. Berdajev. P.207.

⁹⁶ Цит. по: Оклянский Ю. Роман с тираном. М., 1994. С. 69.

⁹⁷ Бабиченко Д. Писатели и цензоры. М., 1994. С. 98.

⁹⁸ См. Зубкова Е. Общество и реформы 1945-1964. М, 1993.

Эти надежды на смягчение сталинской системы террора сильно подрывали самоуверенность ее создателя. Эмигрировавший из СССР историк Абдурахман Авторханов писал: «Сталин понимал, что, принеся такие жертвы, народ захочет жить по-человечески, будет ждать перемен... Вернувшиеся были грозны в своем молчании... Собственных солдат Сталин боялся не меньше, чем солдат Гитлера в начале войны»⁹⁹.

Теперь сталинское руководство считало своей важнейшей целью новое дисциплинирование нации, гордой своей победой. Один из первых его ударов был направлен против интеллектуалов, которые больше других выиграли от ослабления механизмов контроля во время войны. В августе 1946 г. началась кампания усиления дисциплины в советской литературе, связанная с именем главного партийного идеолога Жданова, истинным вдохновителем которой был, разумеется, Сталин. Партия теперь объявила войну «чуждым» прозападным тенденциям в литературе. В доверительной беседе с некоторыми советскими писателями в середине 1947 г. Сталин выступил против, по его мнению, совершенно необоснованного преклонения перед иностранной культурой, распространенного среди советской интеллигенции: «Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не сто процентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Это традиция отсталая, она идет от Петра ... Почему мы хуже? В чем дело? Надо бороться с духом самоуничтожения у многих наших интеллигентов»¹⁰⁰.

Эта начатая сверху борьба против духа «низкопоклонства перед Западом» была связана с возвеличиванием всего русского, что зачастую принимало черты гротеска. Все те, кто стал жертвой иллюзии, что создатель одной из самых жестоких в истории России правящих систем будет готов придать своему режиму «человеческий облик», получили жестокий урок.

То, что советский народ, изолированный от внешнего мира и подвергнутый сталинской индоктринации, стал жертвой этой иллюзии, было не удивительно. Однако совершенно непонятно, как Николай Бердяев, один из самых значительных мыслителей своего времени, которому было все известно о характере сталинской террористической системы, совершал ту же логическую ошибку.

Разумеется, «ослепление» Бердяева не могло продлиться долго. Начавшаяся в августе 1946 г. кампания против Анны Ахматовой, Михаила Зощенко и других «отклонившихся от линии партии» советских авторов, резко прервала его мечту о «человечном сталинизме». В написанном в 1947 г. послесловии к автобиографии Бердяев отмечает, что развитие Советского Союза протекает иначе, чем первоначально надеялись: «Свобода не возросла, скорее наоборот ... Диалектический материализм по-прежнему является господствующим государственным мирозерцанием ... Отталкивает также все возрастающий централизованный тоталитарный этатизм»¹⁰¹.

⁹⁹ Авторханов А. Загадка смерти Сталина (заговор Берия). Франкфурт-на-Майне, 1976. С.16-17.

¹⁰⁰ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя, 1988, №3.С. 59-60.

¹⁰¹ Бердяев. Самопознание. С. 370-371.

Вопреки усиливавшемуся осуждению отсутствия в СССР свободы интеллектуального творчества и свободы слова, Бердяев продолжал хвалить «преимущества советского общественного устройства», которое, по его мнению, было более справедливо, чем капиталистическое. В «Русской идее» он превозносил сталинскую конституцию: «Советская конституция 1936-го года создала самое лучшее в мире законодательство о собственности. Личная собственность признается, но в форме, не допускающей эксплуатации»¹⁰².

Если задуматься над тем, что беспримерная эксплуатация населения государством составляла основу сталинской системы, эти слова Бердяева кажутся не только оторванными от жизни, но и лишенными всякого сострадания. В этих словах философа не было ни капли «жалости к униженным и оскорбленным», которую он в той же «Русской идее» (С.89) назвал главным побудительным мотивом русской интеллигенции. Кроме того, как же могло общество, основанное на государственном рабстве и полностью отрицающее принцип свободы, быть более справедливым, чем «открытое» западное общество? Тот факт, что Бердяев, безусловный защитник свободы, не увидел этого противоречия, является почти неразрешимой загадкой.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

¹⁰² Бердяев. Русская идея. С. 251.